

Приняв решение, Юй Шаолин попрощался с братьями по пути. Правитель округа Гуйян, преисполненный благодарности за спасение единственной дочери, наотрез отказывался отпускать их без награды и настойчиво предлагал два тяжелых сундука с дарами. Однако Шаолин понимал, что лишь сыграл роль приманки, тогда как львиную долю работы выполнили заклинатели северной секты Сицзянь. Поэтому он вежливо отказался. И хотя две изящные нефритовые заколки-цветы действительно запали ему в душу, брать их без особых заслуг казалось неправильным.

Кто же знал, что молодой господин из секты Сицзянь вдруг упрямо вздернет подбородок и с самым неловким видом заявит:

— Твоя заслуга здесь больше всех, так что выбирай первым!

— Мне выбирать? — Юй Шаолин опешил. Неужели этот капризный юнец Е вдруг переменялся в лице и характере?

— Сказал выбирай, значит, выбирай! — вспыхнул Е Сюань. — Демона удалось одолеть только благодаря твоему замыслу. К тому же ты вызвался быть приманкой, а это опаснее всего. Да и к тому же... В общем, бери что дают!

Молодой господин Е явно не умел хвалить людей. Самые искренние слова благодарности прозвучали из его уст так резко и упрямо, словно он напрашивался на драку. Шаолину оставалось лишь мысленно улыбнуться этой нелепости.

Но раз уж тот настаивал, Юй Шаолин не стал упрямиться. Он присел у сундука, достал те самые приглянувшиеся нефритовые заколки-цветы и, выпрямившись, вежливо поклонился собравшимся:

— В таком случае приму этот скромный дар. Благодарю вас, почтенные даосисты. Еще свидимся.

Он уже развернулся, чтобы уйти, но Е Сюань окликнул его:

— погоди! Пятнадцатого числа шестого месяца откроются Врата к Небесам. Ты пойдешь?

О Пути к Небесам Юй Шаолин, разумеется, знал. В оригинальном романе говорилось, что это священное место, куда отправляются молодые ученики ради духовного просветления. Одни находили там утерянные фолианты с тайными техниками, другие обретали легендарное оружие. Кому-то и вовсе выпадал редкий шанс узреть Камень Трех Жизней, чтобы узнать предначертанное и получить пророчество, способное перевернуть всю их судьбу. Проще говоря, это место служило идеальной стартовой площадкой для молодых талантов. Именно там

главный герой романа, Ци Фань, овладел Искусством защиты Мо и раздобыл свое божественное оружие.

Шаолин, конечно, хотел туда попасть. Однако Путь к Небесам таил в себе смертельную опасность, и парень не был уверен,пустит ли его отец. Поэтому он уклончиво ответил:

— Там видно будет.

— Как это «видно будет»?! — Е Сюань снова закипел, готовый взорваться, но, натолкнувшись на безмятежный взгляд Юй Шаолина, лишь растерянно захлопал ресницами. В конце концов он презрительно фыркнул:

— Если все-таки соберешься, отправь мне духовного голубя!

— Договорились, — легко согласился Шаолин. Видя, как парень надулся, став похожим на колючую рыбу-шар, он не удержался от искушения подразнить его напоследок: — До встречи, Листочек.

— Кого это ты назвал Листочком?! К тому же я младше тебя всего на два года! Какой еще «Листочек»?!

Е Сюань разозлился пуще прежнего. Шаолину пришлось на ходу бросить пару примирительных фраз, чтобы успокоить этого ершистого юношу.

Проводив взглядом этого забавного малого, Шаолин пребывал в прекрасном расположении духа. Но стоило ему обернуться, как он натолкнулся на пристальный, леденящий взгляд своей названной сестры. От неожиданности он даже вздрогнул.

Сун Тяньцая и Лу Дибao он уже отправил вперед с донесением, так что теперь в Гуйяне оставались только они с Юй Шаои. Наедине им обоим было неловко. Прочистив горло, Шаолин нарушил молчание:

— Ну, поехали.

Прибыли они сюда на трех резвых скакунах. Двух лошадей забрали Тяньцай и Дибao, так что у них осталась лишь одна. Шаолин специально заглянул на местный рынок и арендовал удобную повозку, чтобы Шаои могла ехать с комфортом. Девушка послушно, без единого слова, поднялась в экипаж, но, откинув полог, удивленно замерла.

Внутри все было обустроено на редкость уютно и опрятно. На низком столике лежали сладости — кислые сливы да семечки, а на сиденье стояла изящная позолоченная жаровня, из которой веяло мягким теплом от тлеющих углей.

— Брат, зачем ты все это приготовил?

— А? — Шаолин заглянул внутрь и улыбнулся: — Ты об этом? Да так, чтобы тебе не скучно было в дороге. Не знаю, угадал ли с твоим вкусом, но всяко лучше, чем ехать налегке. А жаровня — чтобы ты не замерзла. На улице весенние заморозки, а у тебя нет духовных сил, чтобы согреться. Заболеешь еще. Жаль, у меня не хватило золота, а то купил бы тебе такую же теплую накидку из перьев, как у матушки.

Он весело тараторил, а Шаои стояла неподвижно, словно громом пораженная. Лишь спустя минуту она тихо произнесла:

— Спасибо за заботу, брат.

— Пустяки, мне это ничего не стоило, — отмахнулся Шаолин, не придав значения ее смущению.

Дальше они ехали молча: Шаолин правил лошадьми, а Шаои тихо сидела внутри. Дорога до монастыря Цинской оказалась недолгой — каких-то пятьдесят ли, которые они без труда преодолели к вечеру.

Они навестили настоятельницу обители Линсяо. Шаолин подробно изложил суть случившегося, и, посчитав долг старшего брата выполненным, засобрался в обратный путь. Монастырь был женским, и взрослому мужчине не пристало оставаться здесь на ночь. Настоятельница не стала его удерживать, лишь попросила Шаои проводить брата до ворот.

Они шли в полном молчании. Когда позади остались три тяжелые монастырские арки, перед ними открылась заснеженная равнина. В сгущающихся сумерках одинокая повозка у ворот выглядела сиротливо и тоскливо.

— Не провожай дальше, на улице холодно, — мягко сказал Шаолин.

Шаои молча остановилась. Глядя на ее покорность, Шаолин почувствовал, как сердце его сжимается от жалости. Он не удержался и добавил:

— Береги себя. Не броди где попало в одиночку. Если что-то случится, отправь мне духовного голубя.

Он долго давал ей наставления, которые сводились к простому: «Если что, старший брат тебя защитит». Шаои лишь послушно кивала. На ее бледном лице не отражалось ни единой эмоции, а смотрела она холодно и безучастно, но Шаолин постепенно привыкал к такой отстраненности сестры.

Закончив с поучениями, он попрощался и повернулся, чтобы уйти. Сделав несколько шагов, он

почувствовал спиной ее взгляд. Обернувшись, Шаолин увидел, что Шаои так и стоит на месте, не сводя с него глаз.

Он вернулся обратно.

— Что такое?

Девушка молчала, она пристально смотрела на его повязку странника.

Эту повязку перед самым отъездом сшила для него госпожа Юй. Швы были неровными и неумелыми, но в каждый стежок матушка вложила всю свою нежность и заботу. Повязывая ее на голову сыну, она ласково приговаривала, переиначивая древние стихи: «Заботливой матери нить послушна, а странника лоб повязкой укрыт». Эта вещь должна была напоминать Шаолину, что дома его ждут любящие родители, и негоже попусту тратить время на чужбине.

Тогда это вызвало у него лишь добрую улыбку, но сейчас, глядя на сестру, он понял: она сразу узнала работу матушки. Немного подумав, он развязал повязку, достал из широкого рукава одну из нефритовых заколок-цветов и протянул обе вещи Шаои.

Девушка замерла в нерешительности. Она молча приняла дары, а Шаолин тепло улыбнулся и снова, как заботливая нянька, проговорил:

— Возвращайся в тепло. Холодно здесь.

— Брат, передай матушке... К празднику Середины осени я обязательно вернусь домой.

— Конечно. В такой день вся семья должна быть вместе.

Оставив сестру в обители, Шаолин пустил коня в галоп и уже к утру добрался до павильона Яньюнь. Снегопад наконец прекратился, сквозь серые тучи пробивались первые несмелые лучи солнца — день обещал быть погожим.

Едва он въехал в ворота и передал поводья младшим ученикам, навстречу ему вихрем вылетела госпожа Юй. Подбежав, она без лишних слов обхватила его лицо ладонями, пристально осмотрела со всех сторон и, наконец, сокрушенно выдохнула:

— Совсем исхудал за эти дни!

Шаолин невольно рассмеялся:

— Матушка, меня не было всего ничего. С чего бы мне похудеть?

Вспомнив о подарке, он полез за пазуху и протянул ей нефритовые заколки-цветы:

— Вот, моя награда за это путешествие.

Госпожа Юй радостно просияла. Она подняла заколку повыше, любясь тем, как нефрит играет в лучах утреннего солнца, и заулыбалась, точно дитя:

— Какая тонкая работа! Изумительно.

— Давайте я вам ее вплечу, — Шаолин потянулся к заколке, но матушка шутливо уклонилась и, слегка порозовев от смущения, ответила:

— Пусть лучше твой отец вплетет. Давай не об этом сейчас. Я знала, что ты вернешься сегодня, и еще с вечера заставила отца приготовить твои любимые сочные пирожки с крабовой икрой. Пойдем скорее в трапезную.

Она крепко взяла его за руку и повела в дом. Ни единым словом матушка не обмолвилась о Шаои, словно той вовсе не существовало. Шаолина это задело. Пусть даже Шаои не была их родной дочерью, они ведь вырастили ее. Как можно быть настолько равнодушными? Да и отец с матерью вовсе не казались ему теми бездушными деспотами, какими их описывали в книге.

Он хотел было спросить напрямую, но не знал, с чего начать. Лишь когда матушка, подперев щеку рукой, с нежной улыбкой проводила взглядом последний съеденный им пирожок, он решил:

— Матушка, по дороге я встретил Шаои.

Госпожа Юй на мгновение окаменела. Она лишь едва заметно кивнула:

— Да, я знаю.

Шаолин хотел расспросить подробнее об их прохладных отношениях, но, поколебавшись, выбрал более мягкий подход:

— Шаои просила передать, что вернется домой к празднику Середины осени.

Раздался негромкий стук — нефритовая заколка-цветок выскользнула из ослабевших пальцев матушки и упала на пол. К счастью, камень был прочным и не раскололся. Госпожа Юй побледнела так, словно из нее разом выкачали всю кровь — то ли от испуга за драгоценность, то ли от услышанных слов.

Шаолин хотел было поднять заколку, но матушка поспешно перебила его, поднимаясь из-за стола:

— А-Цюэ, мне что-то нехорошо. Я пойду к себе, отдохну.

С того самого дня госпожа Юй слегла. Шаолин больше не осмеливался упоминать имя сестры. Он целыми днями ухаживал за больной матерью, поднося ей целебные отвары, но ее состояние не улучшалось. Юй Миньчжи места себе не находил от беспокойства: он созвал лучших лекарей округа и извел горы редчайшего снадобья, но госпоже Юй не становилось легче.

В этой суматохе дни летели незаметно, и вскоре пришло время открывать Путь к Небесам. Шаолин поначалу твердо решил остаться дома, не желая оставлять больную мать, однако Юй Миньчжи сам вызвал его к себе в кабинет.

— Скоро откроются Врата. Каковы твои намерения?

Шаолин немного замялся, но решил ничего не скрывать от отца:

— Я очень хотел пойти, но сейчас, когда матушка так больна, я не могу уехать со спокойной душой. Пожалуй, в этот раз я останусь.

— О здоровье твоей матери не беспокойся, я сам позабочусь о ней. Путь к Небесам — это редчайший шанс, который выпадает раз в жизни, ты обязан им воспользоваться. К тому же присмотришь за своими младшими соучениками.

Шаолин опешил. Убедившись, что отец говорит совершенно серьезно, он недоверчиво переспросил:

— Значит, мне действительно можно идти?

Юй Миньчжи невольно улыбнулся и строго нахмурил брови:

— Разумеется. Стал бы я шутить такими вещами?

— В таком случае приношу свою благодарность, учитель.

Шаолин учтиво поклонился и уже развернулся к двери, когда отец негромко окликнул его:

— Погоди...

Шаолин замер. Голос Юй Миньчжи, обычно твердый, сейчас прозвучал как-то неестественно

тихо:

— А-Цюэ, ты уже очень давно не называл меня отцом.

Внутри у Шаолина все перевернулось от удивления. Он вдруг осознал, что за все время их общения отец впервые заговорил с ним не как строгий глава павильона с учеником, а как родитель с сыном.

Этот момент глубоко тронул Шаолина. Сам Юй Миньчжи тоже явно чувствовал себя неловко. Слегка покашляв, он продолжил:

— Раньше ты часто упрекал меня в том, что я учу тебя лишь каллиграфии, поэзии да живописи, лишая настоящих знаний заклинателей. Это была моя ошибка. Твоя матушка права: наш А-Цюэ повзрослел, и пришло время передать тебе то, что принадлежит тебе по праву.

С этими словами он отвязал от пояса флейту из белой яшмы, которую носил не снимая, и протянул ее сыну:

— Эта флейта верой и правдой служила мне тридцать лет. Когда-то мне передал ее твой дед. Он просил меня идти своей дорогой, не сомневаясь в выборе, и этой флейтой искоренять демонов. За тридцать лет я так и не сумел исполнить его волю, о чем глубоко сожалею. Но сегодня я передаю это бремя тебе. Слушай меня внимательно, А-Цюэ.

Юй Миньчжи достал со стеллажа простую бамбуковую флейту, поднес ее к губам и тихо произнес:

— Сегодня я обучу тебя Двенадцати мелодиям санскритской дьявольской музыки. Пообещай мне, что будешь использовать это искусство лишь во благо и проживешь достойную жизнь, о которой никогда не пожалеешь.

Едва он закончил, как комнату наполнили первые чарующие звуки мелодии. Поначалу Шаолин слушал вполуха, но постепенно музыка захватила его разум, заставив похолодеть от изумления. Искусство ведения боя с помощью музыки таило в себе невероятную мощь: одни созвучия могли туманить рассудок врага, другие — ввергать его в безумие. Двенадцать мелодий, которым обучал его отец, делились на две части. Первая половина состояла из десяти воинственных композиций, дышащих яростью и заставляющих трепетать от страха любого, кто их слышал. Вторая же часть включала всего две мелодии — тягучие, умиротворяющие, способные исцелить и успокоить растревоженную душу. Последняя из них звучала настолько чисто и возвышенно, что полностью оправдывала свое название.

Раньше Шаолин считал своего отца заурядным заклинателем и напыщенным книжником. Но теперь он понял, что глубоко заблуждался. Пусть Юй Миньчжи и не хватал звезд с неба в плане боевых искусств, его никак нельзя было назвать слабаком. Двенадцать мелодий санскритской дьявольской музыки по своей силе не уступали величайшим техникам владения

мечом, а возможно, даже превосходили их.

— Игра на яшмовой флейте требует колоссального расхода духовных сил, — наставлял отец, закончив играть. — А-Цюэ, тебе от рождения дарован богатый источник духовной энергии, и это твое величайшее благословение. Однако помни: эти мелодии подчиняют себе волю и разум. Чем сложнее композиция, тем сильнее должна быть твоя собственная воля. Если ты попытаешься подавить противника одной лишь грубой силой, без должного понимания сути музыки, ты быстро сойдешь с ума и падешь жертвой собственного искусства. Столкнувшись с истинным мастером, ты не выдержишь и десяти ударов. А потому отныне закаляй свой дух, тренируйся не щадя сил и никогда не надейся на легкую победу.

— Твой наказ глубоко запечатлен в моем сердце, отец, — почтительно склонил голову Шаолин.

День отъезда настал незаметно. Накануне госпоже Юй стало значительно лучше. Она лично помогала сыну собирать вещи в дорогу, бережно уложила новую повязку странника, которую сшила сама, и долго, со слезами на глазах, давала напутствия.

Юй Шаолин терпеливо выслушал ее и на прощание тихо произнес:

— К моему возвращению вы должны окончательно поправиться, матушка.

Госпожа Юй на миг замерла, а затем ласково улыбнулась:

— Обязательно.

Путь к Небесам лежал на северо-западе. Там, на стыке бескрайних зыбучих песков и каменистых пустошей, раскинулся цветущий оазис, который каждую середину шестого месяца являлся взору утомленных путников подобно призрачному миражу. Поговаривали, будто древние хранители, владевшие искусством гадания по Книге Перемен Чжоу И, стерегли Врата к Небесам и открывали их для молодых заклинателей лишь в строго определенное время.

Шаолину не было дела до этих легенд. Возглавив отряд младших соучеников, он гнал коня во весь опор, держа путь на запад. Поначалу дорога была пустынной, но стоило им пересечь границу Чанъаня, как им все чаще стали попадаться другие группы заклинателей.

Чанъань, древняя столица павшей империи, поражал своим величием и роскошью. Странно было лишь то, что в этом процветающем и богатом краю не обосновался ни один крупный орден или клан заклинателей. Молодые мастера лишь спешно проезжали сквозь городские ворота, делая короткую передышку перед дальней дорогой, и старались не задерживаться здесь дольше необходимого.

Казалось, Чанъань был для заклинателей запретной землей.

Стоило Шаолину вскользь упомянуть об этом вслух, как ехавший рядом всезнайка Лу Дибao тут же поспешил поделиться своими познаниями:

— Это действительно запретное место, старший брат.

— Вот как?

— Несколько десятилетий назад здесь разыгралось решающее сражение между людьми и демонами. Объединенные силы северных и южных орденов уничтожили в Чанъане стотысячное войско врага, заставив выживших демонов отступить на тридцать тысяч ли вспять. Долгие годы они не смели соваться на наши земли. Но цена победы оказалась слишком высока: пролилось море крови, и город заполнила чудовищная посмертная обида павших воинов. Любой заклинатель, рискнувший задержаться здесь, неизбежно навлекал на себя беду — в лучшем случае лишался рассудка, в худшем — погибал. Члены кланов, живших в Чанъане, один за другим сходили с ума, пока город окончательно не опустел. Позже сюда прибыли старейшины-прорицатели. С помощью искусства предсказания по Чжоу И они выяснили, что духи погибших демонов навеки привязаны к этим землям. Лишь благодаря тому, что Чанъань испокон веков считался священным местом с безупречной фэншуй-энергетикой, эту темную скверну удастся сдерживать. И все же для самосовершенствования эти края стали непригодны. Все ордены спешно покинули город, и теперь здесь можно встретить практикующих лишь раз в году, когда открываются Врата на Путь к Небесам.

Дибao говорил убедительно, но Юй Шаолин лишь задумчиво хмурил брови. Он отчетливо помнил сюжет романа: в будущем главным оплотом Ци Фаня станет именно Чанъань, а самого юношу нарекут Господином Чанъанем. Неужели к тому времени он найдет способ полностью очистить этот древний город от вековой скверны и демонической обиды?

Но возможно ли такое вообще?

Размышления не давали ему покоя, однако на лице Шаолина не отразилось ни единой эмоции. Поскольку время близилось к середине шестого месяца, улицы древней столицы буквально кишели приезжими заклинателями. Шаолин с младшими соучениками обошел уже несколько постоянных дворов, но свободных мест нигде не оказалось. В последней таверне, куда они заглянули, хозяин лишь развел руками: свободные комнаты были, но какой-то богатый господин выкупил все заведение целиком, так что если они хотят остаться, им могут предложить разве что конюшню.

— И какому же глупцу пришла в голову мысль выкупить целый трактир? — недовольно проворчал Шаолин.

— Мне, — раздался за его спиной холодный, высокомерный голос.

Шаолин обернулся и увидел молодого человека в окружении преданных учеников секты Сицзянь. Незнакомец был облачен в роскошные черные одежды, перехваченные расшитым нефритом поясом. Этот строгий и мрачный цвет, который обычно выбирали для скромности,

сидел на нем на удивление щегольски. Черный шелк выгодно оттенял его мертвенно-бледное лицо, а надменный взгляд и царственная осанка выдавали в нем человека крайне заносчивого и опасного.

Он смотрел на Шаолина так, словно перед ним было грязное ничтожество, и на его красивом лице читалось явное пренебрежение.

И все же Шаолину его лицо показалось смутно знакомым. Парень на мгновение задумался, а затем его осенило: он так же высокомерно прищурился и капризно кривил губы, как Е Сюань, младший брат этого наглеца!

Перед ним стоял молодой глава секты Сицзянь и один из ключевых персонажей оригинального романа — Е Цзюэ. Вот только в книге никто не упоминал, что грозный наследник великого клана окажется таким изнеженным красавцем.

Пока Шаолин разглядывал соперника, тот не спеша подошел ближе. Е Цзюэ оказался на полголовы выше его.

— Так это ты — Юй Цзюэ, сын Юй Миньчжи из павильона Яньюнь?

Вспомнив, как Е Сюань при их первой встрече исходил злобой при одном упоминании его отца, Шаолин сразу понял: этот молодой глава, уже достигший стадии Зарождающейся Души, не чета своему вспыльчивому младшему брату, и провести его будет непросто. А потому он, не моргнув и глазом, соврал:

— Что вы, молодой глава. Вы явно обознались.

— Ты держишь меня за дурака? — Е Цзюэ хищно прищурил свои раскосые фениксовые глаза, взглянув на него с леденящей душу усмешкой. — Приятное лицо, излишне чувственный взгляд... Этот глупец Е Сюань прожужжал мне уши твоим описанием и даже умудрился набросать твой портрет. Думаешь, я бы не узнал тебя?

У молодого главы потрясающая проницательность, — Шаолину оставалось лишь смириться и вежливо поклониться.

Не успел он договорить, как Е Цзюэ резко шагнул вперед и мертвой хваткой вцепился в его запястье. По венам Шаолина прокатилась волна чужой духовной энергии. Он попытался высвободить руку, но, поняв, что Е Цзюэ не желает ему зла, а лишь прощупывает каналы, успокоился. Спустя мгновение заклинатель брезгливо отпустил его руку, достал из широкого рукава белоснежный шелковый платок и принялся неторопливо вытирать пальцы.

— Твоя сила едва достигла стадии Золотого Ядра, — ядовито процедил он. — Неудивительно, что тебе пришлось втереться в доверие к этому маленькому дураку Е Сюаню.

«И как тебя до сих пор никто не прибил за этот поганый язык?» — подумал Шаолин, но смолчал.

— Однако моя секта Сицзянь всегда платит по долгам, — холодно продолжил Е Цзюэ и небрежным жестом бросил Шаолину три золотых листка. — Если в дороге ты столкнешься со смертельной опасностью, предъяви этот жетон моим людям. Я приду к тебе на помощь. Трижды.

Сказав это, он развернулся, чтобы уйти, но у самого порога высокомерно бросил через плечо:

— И помни: у тебя есть только три...

Договорить он не успел. Шаолин бесцеремонно шагнул вперед и протянул ему один из золотых листков обратно:

— В таком случае воспользуюсь первой возможностью прямо сейчас. Будьте добры, молодой глава, освободите для нас три лучшие комнаты.

Е Цзюэ лишился дара речи.

<http://bllate.org/book/18172/1746692>